

*Моей сестре Кристен,
которая прочитала почти все, что я написала.
С меня причитается*

I

ЛИН

Императорский остров

Отец сказал, что я неполноценна.

Пока я отвечала на его вопрос, он не выражал своего разочарования словами. Он втянул и без того запавшие щеки, и левая сторона его рта слегка дернулась вниз, но борода почти скрыла это движение.

Отец научил меня читать мысли по лицу и знал: я хорошо усвоила урок, так что можно считать, он сказал это вслух.

Вопрос был такой:

— Кто твой самый близкий друг детства?

Мой ответ:

— Не знаю.

Воробьи летают стремительно, я бегаю не хуже, имперские учетчики ловко считают на абакe, я делаю это не хуже, и я могу перечислить названия всех островов Империи за время, пока заваривается чай. Но я не могу вспомнить свою жизнь до болезни. Иногда мне кажется, что я никогда этого не вспомню, что та девочка, которой я была, потеряна для меня навсегда.

Заскрипело кресло, отец пошевелился, выдохнул — долго, как будто до этого задерживал дыхание, и припукнул по столу медным ключом.

— Как я могу доверить тебе свои секреты? Как я могу признать тебя своей наследницей, если ты не знаешь, кто ты такая?

Я знала, кто я. Я — Лин. Я — дочь императора. Я выкрикнула ответ в своей голове, отец не мог его услышать. Мое лицо ничего не выражало — в отличие от отца, я хорошо прятала свои мысли. Он ценил мое умение постоять за себя, но в этот раз оно его не порадовало. Так было всегда, когда разговор заходил о моем прошлом.

Тем временем я изо всех сил старалась не пялиться на ключ.

— Задай еще один вопрос, — предложила я.

Порыв ветра хлестнул по ставням, в комнате сразу запахло океаном и водорослями. Ветер лизнул меня по шее, но я не вздрогнула, я смотрела в глаза отцу и надеялась, что он увидит — мой дух крепок и во мне нет страха. Ветер принес запах восстания, я чувствовала его, как почувствовала бы запах засоленной в чанах рыбы, он был таким же явным и насыщенным. И я могла бы все уладить, если бы только у меня были для этого полномочия. Если бы отец позволил мне доказать свою состоятельность.

Он снова стукнул ключом по столу:

— Хорошо. — Колонны из тика за креслом делали отца больше похожим на какой-то зловещий портрет, чем на живого человека. — Ты боишься морских змей. Почему?

— В детстве одна укусила меня.

Отец взглядывался в мое лицо. Я задержала дыхание. Снова задышала. Сцепила пальцы, сразу заставила себя расцепить. Если бы я была горой, отец в поисках моей сердцевины пробирался бы к ней по стержневым корням можжевельника, откидывая камни на своем пути.

И добрался бы, он бы ее обязательно нашел.

— Не лги мне, девочка, — прорычал отец. — Не гадай. Да, ты — моя плоть и кровь, но это еще не значит, что ты моя наследница. Я могу сделать своим наследником приемного сына.

Как бы я хотела все помнить! Этот человек когда-нибудь гладил меня по голове? Целовал в лоб? Он любил меня до того, как я забыла те времена? Любил, когда я была цельной, а не ущербной? Кому задать все эти вопросы? Хоть кто-то может на них ответить?

— Прости меня.

Я склонила голову. Волосы упали мне на глаза, и я воровато посмотрела на ключ, которым отец постукивал по столу.

Большинство дверей во дворце были заперты. Отец бродил из комнаты в комнату, используя магию осколков костей. Чтобы править, надо овладеть этой магией. Я заслужила шесть ключей. У приемного сына моего отца было семь. Иногда мне казалось, что вся моя жизнь — это поединок.

— Ладно. — Отец откинулся в кресле. — Можешь идти.

Я встала, чтобы удалиться, но передумала.

— Когда ты научишь меня магии осколков костей? — спросила я и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Ты говоришь, что можешь назначить Баяна своим преемником, но не делаешь этого. Я все еще твоя наследница, и я должна знать, как подчинять себе конструкции. Мне двадцать три, а тебе...

Я умолкла, потому что не знала возраста своего отца. На его руках виднелись пигментные пятна, а гладкие волосы были серыми, как сталь. Я не знала, сколько ему осталось. Но я могла себе представить, что наступит время, когда он уйдет и оставит меня без знания. И тогда уже никто не сможет защитить Империю от Аланги.

У меня, сколько я ни искала, не было воспоминаний об отце, о заботливом отце, которому не все равно.

Отец кашлянул в рукав, мельком глянул на ключ, и голос его смягчился:

— Научу, когда обретешь цельность.

Я его не поняла, но почувствовала, куда можно надавить:

— Прошу, научи. Что, если я никогда не стану цельной?

Отец смотрел на меня, и печаль в его глазах, как острые когти, заскребла по моему сердцу.

Я помнила последние пять лет. Все, что было до того, — в тумане. Я потеряла что-то драгоценное, вот только бы знать что.

— Отец, я...

Кто-то постучал в дверь, и отец снова стал холодным как камень.

Не дожидаясь ответа, в комнату проскользнул Баян. Я была готова послать его куда подальше. Он шел ссутулившись и двигался беззвучно. Глядя на него, можно было подумать, что Баян трусит, но я-то его знала. У него была кошачья походка, он ступал, как подкрадывающийся хищник. На нем был кожаный фартук поверх туники, и руки у него были в крови.

— Я закончил с доработками, — отчитался на входе Баян. — Ты сказал, что я сразу должен показать результат.

За ним, цокая копытцами, ковыляла конструкция. Если не считать торчащих изо рта клыков и загнутого обезьяньего хвоста, она была похожа на оленя. И еще у нее из лопаток росли небольшие крылья, и мех вокруг них был в пятнах крови.

Отец развернулся в кресле и положил руку на спину конструкции. Конструкция посмотрела на него большими влажными глазами.

— Грязная, — заметил отец. — Сколько осколков ты потратил на то, чтобы она подчинялась команде?

— Два. Один, чтобы шла за мной, второй, чтобы подчинилась команде «стоять».

— Следовало потратить один. Она идет за тобой, пока ты не приказываешь ей остановиться. Фраза в первой книге, которую я тебе дал.

Отец взял конструкцию за крыло и слегка потянул, потом отпустил, и крыло плавно опустилось на место.

— Однако твоя конструкция великолепна, — заключил он.

Баян искоса посмотрел на меня. Я не отвела взгляда. Никто из нас никогда не отводил взгляда, всегда — кто кого. Глаза у Баяна были даже темнее моих, а когда он кривил губы, становилось только заметнее, какие они сочные. Думаю, он красивее меня, но я постоянно была уверена в том, что умнее его, а это всегда важнее. Баян никогда даже не пытался прятать свои чувства, он демонстрировал свое презрение ко мне, как ребенок показывает всем свою самую любимую ракушку.

— Попробуй еще раз с новой конструкцией, — сказал отец, и Баян отвел взгляд.

Этот маленький поединок выиграла я.

Отец потянулся пальцами к конструкции. Я задержала дыхание. Такое я видела всего два раза. То есть помнила только, как он два раза это делал. Кисть отца вошла в конструкцию, та только моргнула, как будто ничего такого с ней не происходило. А потом отец вытащил из нее руку, и она оцепенела, застыв как статуя. В руке у отца было два мелких осколка кости.

Его пальцы были в крови. Он опустил осколки в протянутую ладонь Баяна.

— А теперь идите. Оба.

У двери я оказалась первой. Подозреваю, Баян задержался, потому что надеялся услышать от отца что-то еще, а я привыкла к манере отца резко прерывать разговор, к тому же мне было чем заняться. Я выскользнула за дверь и придержала ее для Баяна: у него ведь руки были в крови, а отец ценил чистоту и не терпел грязи.

Проходя мимо, Баян недобро зыркнул на меня. За ним тянулся шлейф запахов меди и благовоний. Он был сыном губернатора маленького острова, ему повезло, что отец приметил его и сделал своим воспитанником. И Баян принес во дворец болезнь, которой еще не знали в Империи. Говорят, я заболела вскоре после его появления и выздоровела немного позже его. Но он не потерял столько памяти, сколько я, и даже смог вернуть какую-то ее часть.

Как только Баян скрылся за углом, я резко развернулась и побежала в конец коридора.

Когда я открыла ставни, ветер едва не разбил их о стены дворца. Скаты черепичной крыши были как горные склоны. Я перелезла через подоконник и закрыла за собой окно.

Передо мной лежал весь мир — с крыши дворца можно было увидеть город и гавань. Я даже видела лодки рыбаков, которые ловили в океане кальмаров, их фонари светились, словно рожденные на земле звезды. Ветер потянул меня за тунику, пробрался под нее и принялся покусывать кожу.

Действовать надо было быстро. К этому моменту прислуга уже убрала оленя Баяна. Я, то и дело соскальзывая по черепице, побежала по крыше в ту сторону дворца, где располагалась спальня отца. Он никогда не приносил в комнату вопросов связку с ключами. И не брал с собой конструкции, которые выполняли роль стражей. Я считывала едва заметные знаки на его лице.

Отец мог ругать меня или еще как-то выражать свое недовольство, но, когда мы оставались наедине... он меня боялся.

Черепица пощелкивала у меня под ногами. На стенах дворца притаились тени — конструкции. Они выполняли простую команду: заметил непрошеного гостя — поднимай тревогу. Никто из них не обратил на меня внимания, даже притом, что я находилась там, где не должна быть. Я не считалась нарушителем.

Конструкция Чиновник к этому времени уже наверняка передавала отцу рапорты. Днем я видела, как Чиновник их перечитывал, шевеля губами на волосатой морде, и сортировал: задержка с отгрузкой товара из-за стычки; Иоф Карн ворует и торгует крадеными умными камнями; горожане уклоняются от исполнения долга перед Империей.

Я прыгнула на отцовский балкон. Дверь в комнату была приоткрыта. Обычно там никого не было, но не в этот раз. Изнутри доносился приглушенный рык. Я замерла. Черный нос шире приоткрыл дверь. На меня смотрели желтые глаза. Бинг Тай — одна из самых старых конструкций отца — царапая пол когтями, сделал пару шагов в мою сторону. Мохнатая морда с вкраплениями седины, но все зубы на месте, причем каждый резец размером с мой большой палец.

Бинг Тай задрал верхнюю губу, шерсть у него на загривке встала дыбом. Он был порождением ночных кошмаров, помесью крупных хищников, с черной клочковатой шерстью, которая сливается с темнотой. Он сделал еще один шаг.

Возможно, Баян не такой уж и глупый, возможно, из нас двоих глупая — это я. И отец после чая найдет на своем балконе куски моего растерзанного тела. Так я тогда подумала.

До земли было слишком далеко, а мой рост не позволял дотянуться до водосточного желоба крыши.

— Бинг Тай, — сказала я и сама удивилась тому, каким спокойным был мой голос, — это я, Лин.

Я прямо почувствовала, как в голове конструкции столкнулись две команды. Первая: «Защищай комнату». Вторая: «Защищай семью».

Какая команда сильнее? Спроси меня раньше, я бы, не раздумывая, поставила на вторую, но в тот момент я не была в этом так уверена.

Главное — не сдавать позиции и не показывать противнику свой страх. Я протянула руку прямо к носу Бинга Тая. Он видел меня, слышал меня и, возможно, должен был меня понюхать.

Правда, он мог захотеть попробовать меня на вкус, но я старалась об этом не думать.

Холодный влажный нос ткнулся мне в ладонь. Баян мог понарошку бороться с конструкциями так, будто они — его братья. Я была не такой, я не могла забыть о том, кто они. На меня словно накинута удавку, дышать становилось все труднее, грудь сдавило до боли.

Но потом Бинг Тай сел на задние лапы, наострил уши и перестал скалить зубы.

— Хороший Бинг Тай, — дрожащим голосом сказала я. Время поджимало.

Завеса скорби в комнате была как толстый слой пыли на мамином комодe. Ее украшения так и лежали на туалетном столике, а тапочки стояли рядом с кроватью, словно ждали хозяйку. Мне не давали покоя вопросы отца о моем прошлом, но еще больше меня тревожило то, что я не знала, любил ли он меня, когда я была ребенком. И то, что я не помнила маму.

Иногда я слышала, как перешептывались оставшиеся в замке слуги, и кое-что почерпнула из их разговоров.

В день смерти мамы отец сжег все ее портреты. Он запретил произносить вслух ее имя. Он предал мечу ее служанок. Он ревностно охранял память о ней так, будто никому, кроме него, не дозволено было о ней помнить.

Надо было сосредоточиться.

Я не знала, где отец хранит копии ключей, которые он раздавал нам с Баяном. Он всегда доставал их из сумки на поясе, а я никогда бы не рискнула стащить их оттуда. А вот цепь с оригиналами ключей лежала на кровати. Так много дверей. Так много ключей. Я не представляла, какой от какой комнаты, и наугад выбрала золотой ключ с вставленным в головку нефритом.

Выйдя в коридор, я, чтобы не сработала защелка, вставила под дверь щепочку.

К этому времени чай уже заварился. Отец читал донесения и задавал вопросы Чиновнику. Я надеялась, что у него их будет достаточно.

Я побежала. В главных коридорах дворца не было ни души. Лампы подсвечивали потолок красным. Тиковые колонны у выхода на лестницу обрамляли поблекшую фреску на стене второго этажа. Я мчалась вниз, перешагивая через ступеньку, и каждый свой шаг ощущала как маленькое предательство.

Что-то мне подсказывало: можно подождать, надо быть покорной и стараться ответить на вопросы отца, чтобы излечить свою память. Но в глубине моей души жила холодная непреклонность, она как мечом рассекала чувство вины на пути к суровой правде. Я никогда не смогла бы стать такой, какой хотел видеть меня отец, если бы не взяла то, что хотела. Он не оставил мне выбора, надо было показать ему, что я чего-то да стою.

Я выскользнула из дворца в тихий двор. Парадные ворота были закрыты, но я была маленькой и сильной. Пусть отец не обучил меня магии, за время, пока мы

с Баяном жили взаперти в секретной комнате, я научилась кое-каким другим вещам. Например, лазить по стенам.

Стены были чистыми, но давно обветшали, штукатурка во многих местах обвалилась и обнажила каменную кладку, так что взбираться по ним было довольно легко. Обезьяноподобные конструкции на стене дворца только мельком посмотрели в мою сторону своими прозрачными глазами и снова переключили внимание на город.

Когда я ступила на землю по другую сторону стены, это было такое испытание, что меня аж в дрожь бросило. Я бывала в городе прежде — наверняка бывала, — но сейчас все было как в первый раз. На улицах пахло рыбой, растопленным маслом и остатками ужина. Мостовая была темной и скользкой от помоев, которые выплескивали из домов. Звякали котелки, бриз разносил приглушенные голоса людей.

Ставни на первых встретившихся мне на пути лавках были закрыты на замки.

Слишком поздно?

От стен дворца я увидела фасад кузницы. Это мне и требовалось. Я сделала глубокий вдох и помчалась по узкому переулку.

Кузнец еще не ушел и с перекинутым через плечо мешком как раз закрывал дверь.

— Погодите, — попросила я, — прошу, примите еще один заказ.

— Мы закрыты, — недовольно буркнул кузнец. — Завтра приходите.

У меня от отчаяния перехватило дыхание.

— Плачу вдвойне, если начнете работу сегодня вечером. Всего один ключ.

Кузнец наконец повернулся в мою сторону и окинул взглядом мою вышитую шелковую тунику. Поджал гу-

бы. Видно раздумывал — не завесить ли свою обычную цену, но потом просто вздохнул и махнул рукой:

— Два серебряных, такая моя обычная цена.

Он был хорошим, законопослушным человеком.

Мне сразу полегчало. Я достала из сумки на поясе две монеты и положила их на мозолистую ладонь кузнеца:

— Вот, держите. Ключ нужен срочно.

Не стоило этого говорить. Кузнец скривился, но все-таки открыл дверь и впустил меня.

Коренастый и широкоплечий, хозяин занимал половину свободного места в своей мастерской. По стенам были развешены металлические инструменты, кое-где они даже свисали с потолка. Кузнец взял огниво и снова зажег лампы. Потом повернулся ко мне:

— Раньше завтрашнего утра не сделаю.

— Но вам не обязательно оставлять оригинал у себя?

Он покачал головой:

— Слепок могу сделать сегодня, но ключ будет готов завтра.

Шансов вернуться сюда утром было мало, да и духу могло уже не хватить, но я заставила себя отдать кузнецу отцовский ключ. Кузнец глянул на ключ и взял из каменного корыта комок глины. Вдавил в него ключ и вдруг замер, даже дышать перестал.

Шагнув к нему, я потянулась за ключом и только в этот момент увидела то, что увидел он, — в основании головки ключа, прямо над стержнем, было выбито рельефное изображение феникса.

Когда кузнец посмотрел на меня, его широкое лицо было бледным, как луна.

— Это ключ императора. Кто вы? Откуда он у вас?

Мне следовало схватить ключ и бежать. Я была проворнее кузнеца, могла выхватить у него ключ и выскокить из кузницы, он бы даже глазом моргнуть не успел.

И все, что у него было, — это история, в которую никто не поверит.

Но поступи я так, лишилась бы возможности получить копию ключа. И ничего не узнала бы. Я бы застряла там, где была в начале дня, — память затуманена, мне не выудить из нее ответы на вопросы отца; сколько ни стараюсь, они всегда неправильные. А этот кузнец... он хороший человек. Отец научил меня паре приемов, с помощью которых можно разговорить и расположить к себе хорошего, законопослушного человека.

— У вас есть дети? — спросила я, аккуратно подбирая слова.

Цвет лица у кузнеца немного изменился, он уже не был таким мертвенно-бледным.

— Двое. — Он нахмурился, как будто сомневался в том, стоит ли ему говорить со мной.

Я решила выложить все карты на стол:

— Я — Лин, дочь императора. После смерти матери он сильно изменился. Отгородился от всех, оставил совсем мало слуг и перестал встречаться с губернаторами островов. Назревает мятеж. Безосколочные уже захватили Халут, они стремятся расширить свои владения. И еще — Аланга. Кто-то может и не верить в то, что они возвращаются, но это моя семья удерживала их от возвращения. Вы хотите, чтобы по вашим улицам маршировали солдаты? Хотите, чтобы война была у вас на пороге? — Я тронула кузнеца за плечо. — На пороге дома ваших детей?

Кузнец непроизвольно поднял руку к шраму за правым ухом. Такой шрам был у каждого горожанина. Это место, откуда вырезали кусочек кости черепа, а потом их уносили в подвал императорского замка.

— Мой осколок, он усилил конструкцию? — спросил кузнец.

— Не знаю.

Не знаю, не знаю... Как же мало я знала!

— Но если я проберусь в подвалы отца, я поищу ваш осколок и принесу его вам. Не могу ничего обещать. Хотела бы, да не могу. Но я постараюсь.

Кузнец облизнул пересохшие губы.

— Мои дети?

— Посмотрю, что можно сделать.

Больше я ничего не могла сказать — все без исключения должны были участвовать в Празднике десятины.

Лоб кузнеца заблестел от пота.

— Я все сделаю, — сказал он.

Отец уже наверняка просмотрел доклады, отложил их в сторону и взял чашку с чаем. Отпил глоток и смотрит в окно вниз на городские огни.

У меня ручейки пота заструились между лопаток. Надо было вернуть ключ, пока отец меня не застукал.

В полумраке я наблюдала за тем, как кузнец делает слепок ключа. Как только он мне его вручил, я повернулась, чтобы бежать обратно во дворец.

— Лин! — окликнул меня кузнец.

Я обернулась.

— Меня зовут Нумин. Я прошел ритуал в одна тысяча пятьсот восьмом году. Нам нужен император, который нас защитит.

Что было на это сказать? Я просто побежала. Побежала по переулку к окружавшим дворец стенам.

Отец уже наверняка допивал чай и держал еще теплую чашку в ладонях.

Один камень отделился от стены у меня под пальцами. Полетел вниз. Я вся съежилась.

Отец опустил чашку на стол и смотрит на город. Как долго он будет смотреть в окно?

Спускаться быстрее, чем подниматься. Я больше не чувствовала запахов города — только запах собственного дыхания. Я бежала к дворцу, и стены внешних зданий

мелькали, как смазанные пятна. Дома для прислуги, зал Вечного мира, зал Земной мудрости, стены вокруг дворцового сада. Повсюду холод, мрак и пустота.

Я воспользовалась входом для прислуги и, перепрыгивая через ступеньку, побежала вверх по лестнице. Узкий проход вел в главный коридор, который огибал весь второй этаж дворца. Спальня моего отца была в противоположной стороне от входа для прислуги.

Как же мне хотелось, чтобы ноги у меня были длиннее... И мозгов побольше.

Я бежала и морщилась каждый раз, когда половицы скрипели у меня под ногами. Наконец оказалась напротив комнаты отца и проскользнула внутрь. Бинг Тай лежал на коврике у кровати. При моем появлении он встал и потянулся, как старый заспанный кот. Чтобы добраться до цепи с ключами, надо было перегнуться через него. От Бинга Тая несло, как от конструкции медведя с примесью затхлости шкафа с побитой молью одеждой.

Повесить ключ обратно на связку удалось только с третьей попытки — пальцы у меня были скользкими и непослушными, как угри.

Вернувшись к двери, я встала на колени, чтобы вытащить щепку, и зажмурилась от света в коридоре. Надо было подумать о том, как завтра вернуться за новым ключом в город. Но я шла к цели, я опустила щепку в сумку на поясе и даже не подозревала, что за мной наблюдают.

— Лин!

Это был Баян.

Мои руки и ноги ооченели. Что он видел? Я встала и посмотрела ему в лицо. Баян нахмурился и сцепил руки за спиной. Я приказала сердцу успокоиться. Мое лицо ничего не выражало.

— Что ты делаешь у комнаты императора?

2

ЙОВИС

Остров Голова Оленя

Я понадеялся, что это была одна из моих мелких ошибок, не больше, и одернул полы камзола. Рукава оказались коротки, в талии камзол был слишком уж свободен, а в плечах широковат. Принюхался к воротнику и чуть не закашлялся от терпкого запаха звездчатого аниса.

— Если хочешь привлечь внимание таким ароматом, прыскай на себя поменьше, — сказал я.

Совет полезный, но солдат, который лежал у моих ног, его не услышал.

Если собеседник в отключке, значит я говорю сам с собой?

Ну да ладно, униформа более-менее впору. В последнее время я только и полагался на «более-менее» и «худо-бедно». У меня в лодке лежало два полных стандартных ящика умных камней. Худо-бедно должно было хватить на то, чтобы рассчитаться с долгами, месяца три более-менее нормально питаться, а заодно переплыть из одного конца Империи Феникса в другой. Но то, что я хотел получить, не терпело неопределенности: или да, или нет.

У пристаней я подслушал, как люди перешептывались о недавнем исчезновении, и, насколько я понял,

оно было очень похоже на исчезновение моей Эмалы. Я бы проклинал себя до конца дней, если бы не выяснил что и как.

Выскользнув из переулка, я усилием воли заставил себя больше не одергивать камзол. На улице мне навстречу попала женщина-солдат; я кивнул, она кивнула в ответ. Я с облегчением выдохнул.

Перед остановкой я не сверялся с расписанием ежегодного Праздника десятины, а так как удача редко выступала на моей стороне, можно было не сомневаться, что Праздник проводится именно здесь.

Остров Голова Оленя был наводнен солдатами. И вот он я — торговец без контракта, который не раз и не два участвовал в стычках с солдатами императора. Я вцепился пальцами в край рукава и, не выпуская его ни на секунду, обследовал улицы острова. После экзамена по навигации мне сделали татуировку на запястье. Кролик. Не самая мужественная татуировка, но зато практичная — по ней всегда могут опознать мое выброшенное на берег раздутое тело. Но теперь я — контрабандист, и эта татуировка могла меня выдать. Татуировка и мое лицо. На листовках с моим изображением подбородок не очень удачно нарисовали и глаза приставили слишком уж близко к переносице. Волосы у меня выющиеся, но я коротко подстригся. И все-таки должен признать — сходство было. Пришлось заплатить сиротам, которые болтались по сточным канавам, чтобы они сорвали эти листовки, но спустя пять дней я увидел, как эти чертовы конструкции снова развешивают их по стенам.

Очень паршиво было то, что в комплект униформы императорских солдат не входила шляпа. Мне следовало прихватить свои умные камни и бежать, но Эмала, она не отпускала, я попался на крючок, и судьба тянула за лесу. Так, ведомый судьбой, я шел вперед и старался не привлекать к себе внимания.

Мужчина на пристани сказал, что исчезновение было совсем недавно, так что след еще не простыл. Время поджимало. Солдат не видел меня, когда я его вырубил, но у него на камзоле, на левом локте, была заплатка, и он легко мог ее узнать.

Солнечный свет проникал на улицу в узкие проходы между домами. За окнами сушилось белье.

— Не заставляй меня ждать! — кричал кто-то в одном из домов. — Сколько можно надевать пару башмаков?!

Океан был рядом, и к запаху топленого масла и тушеного мяса примешивался запах водорослей. Жители острова снаряжали своих детей на Праздник и заодно готовили еду к их возвращению. Вкусная еда не залечит раны, ни телесные, ни душевные, но приглушит боль. В мой день трепанации мама устроила настоящий пир — жареная утка с корочкой, запеченные овощи, рис с ароматными специями, рыба в еще булькающем соусе. Перед тем как сесть за стол, мне пришлось хорошенько вытереть слезы.

Но для меня все это осталось далеко позади, шрам за правым ухом давным-давно затянулся. Я нырнул под повешенную на веревку еще сырую рубашку и оказался перед трактиром, который описывал мужчина на пристани.

Я толкнул дверь, она со скрипом прочертила дугу по деревянным половицам. Рано утром в трактирах обычно пусто, но в этот раз за столиками в пыльных углах сидели солдаты императора. С потолка свисала сушеная рыба. Я опустил голову, прижал руку к бедру и, держась ближе к стене, прошел в конец зала. Умел бы все планировать заранее, перевязал бы какой-нибудь тряпкой запястье. Да и ладно. Лицо — проблема похлеще руки, а его тряпкой не заматаешь.

За стойкой спиной к залу стояла крепкая широкоплечая женщина. Волосы убраны под завязанную на за-

тылке косынку, несколько прядей выбились и прилипли к шее. Она склонилась над разделочной доской и, ловко работая пальцами, лепила дамплинги.

— Тетушка! — почтительно обратился я к трактирщице.

— Не называй меня так, — не оборачиваясь, сказала она. — Я еще не такая старая, в тетушки гожусь только детям. — Трактирщица отряхнула о фартук испачканные в муке руки и вздохнула. — Что подать?

— Я хочу поговорить.

Трактирщица обернулась и внимательно оглядела мою униформу, а на лицо даже не посмотрела — так мне показалось.

— Я уже послала племянника на площадь. Думаю, переписчики его уже отметили. Ты здесь за этим?

— Вы Данила, да? Я хотел бы расспросить вас о вашей приемной дочери.

— Я доложила обо всем, что мне известно. — Лицо трактирщицы стало непроницаемым.

Я знал, какой прием ей оказали. Такой же, как и родителям Эмалы: пожали плечами, посмотрели как на помеху в важных делах. Молодые женщины иногда убегают, это не новость. И что теперь? Теперь все слуги императора должны броситься на ее поиски?

— Просто оставьте меня в покое, — сказала трактирщица и вернулась к своим дамплингам.

Возможно, солдат из переулка уже идет по улице, потирая ушибленную голову, и на языке у него вертится множество вопросов. Но Эмала... Ее имя звучало у меня в ушах и подталкивало к действиям.

Я обошел прилавок и встал рядом с Данилой у разделочной доски. Не дожидаясь разрешения, взял тесто и начинку и принялся лепить дамплинги. Данила на секунду растерялась, но потом снова принялась за дело.

В зале у нас за спиной два солдата поднимали ставки в карточной игре.

— А ты хорош, — проворчала Данила. — Ловко ле-пишь и быстро.

— Моя мама... она была... кухаркой...

Я мрачно улыбнулся и попытался припомнить, когда был дома в последний раз. Казалось, что в другой жизни.

— Она готовила лучшие на всех островах дамплинги. Я редко бывал дома, ходил под парусом, учился, чтобы сдать экзамен по мореходству, но мне всегда нравилось помогать ей на кухне. Даже после экзамена.

— Если ты сдал экзамен по мореходству, почему ты — солдат?

Я прикинул варианты. Обманывать я умел мастерски. Таких обманщиков еще поискать. Иначе мне бы уже давно не сносить головы. А эта женщина напомнила мне мою мать — грубоватая, но с добрым сердцем. И мне надо было найти пропавшую жену.

— Я не солдат, — признался я и задрал рукав камзола на руке с татуировкой.

Данила взглянула на кролика, посмотрела мне в лицо, прищурилась, а потом ее глаза округлились.

— Ты — тот контрабандист, — прошептала она. — Йовис.

— Я бы предпочел, чтобы меня называли самым удачливым контрабандистом за последние сто лет, но, если вам угодно, пусть будет просто «тот контрабандист».

— Зависит от того, что называть удачей, — хмыкнула Данила. — Что-то мне подсказывает, твоя мать так бы это не назвала.

— Возможно, вы правы, — легко согласился я.

Данила бы расстроилась, если бы узнала, до чего я докатился, но теперь она расслабилась, лицо ее уже не было таким суровым. Мы стояли, прикасаясь друг к другу

плечами. Я был уверен, что она меня не выдаст. Такие, как она, не выдают.

— Мне надо поговорить о вашей приемной дочери. Как она исчезла?

— Не о чем особо рассказывать. Вот она здесь, а на следующий день ее уже нет. Только девятнадцать серебряных монет на покрывале. По одному серебряному фениксу за каждый год ее жизни. Это было два дня назад. Мне все еще кажется, что вот сейчас я оглянусь — и она войдет в дверь.

Но она не войдет. Я знал, что не войдет, потому что сам ждал этого целый год. Я все еще видел кровать Эмалы с разбросанными по покрывалу девятнадцатью серебряными монетами. Мог почувствовать, как у меня заколотилось сердце и свело живот, когда я понял, что она ушла, и одновременно не мог в это поверить.

— Соши была смышленной и расторопной. — Голос у Данилы дрогнул, она смахнула слезы, не дав им потечь по щекам. — Ее мать погибла во время происшествия на шахте, своего отца она не знала. Я никогда не была замужем и детей не имела, вот я ее и взяла. Мне требовалась помощница.

— Она... — Слова застряли в горле, и я так и не смог задать вопрос.

Данила взяла очередной кружок теста и посмотрела мне в глаза:

— Может, я не так стара, чтобы быть твоей тетушкой, но для меня ты еще мальчишка. Если Империя имеет отношение к исчезновению Соши, девочка уже мертва.

Я никогда не был влюблен. Мы не встретились в детстве и не подружились. Я не рискнул и не поцеловал ее. Я не возвращался с Императорского острова.

Я упорно обманывал себя. Но все без толку. Я видел, как она улыбается, насмешливо смотрит на меня и за-

катывает глаза, пока я рассказываю ей очередную выдуманную мной глупую историю. Как она после трудного дня кладет голову мне на плечо и вздыхает. Но мне надо было верить в собственный обман, потому что при одной только мысли, что всю оставшуюся жизнь я проживу без Эмалы, меня охватывала паника и я начинал задыхаться.

— Вы искали ее? — тяжело сглотнув, спросил я. — Нашли хоть какой-то след?

— Конечно, я ее искала. Спрашивала всех в округе. Один рыбак сказал, что видел в тот день, рано утром, лодку. Но она уплывала не от пристаней, а из ближайшей бухты. Маленькая лодка, темная, с синими парусами. Ушла на восток. Это все, что я знаю.

Такую лодку я видел в то утро, когда исчезла Эмала. Лодка огибала остров, но густой туман не позволял мне быть уверенным, что я вообще ее видел. Это был самый лучший след за все семь лет поисков, теперь главное было за него ухватиться и не отпускать.

Какой-то солдат в трактире расхохотался, а второй застонал и, судя по звуку, с размаху бросил карты на стол. Заскрежетали ножки стульев по полу.

— Хорошая была игра.

Кто-то из них открыл дверь, и я почувствовал тепло от солнечного луча у себя на шее.

— Эй, идешь с нами? Капитан башку тебе откусит, если опоздаешь.

Никто не ответил, и тут я вспомнил, что на мне мундир солдата. Вопрос был обращен ко мне.

Данила взяла меня за руку, за запястье, на котором была татуировка. Ее хватка и ее голос, как корни дерева, держали крепко и проникали глубоко.

— Йовис, я сделала тебе одолжение, теперь ты должен сделать одолжение мне.